

Прошу князя Сяо простить меня, этот ничтожный не со зла, я не расслышал ваших слов... Но разве может столь благородный человек, как князь Сяо, опускаться на корточки и... стоп...

Опомнившись и заметив, что князь действительно присел на корточки и снизу вверх смотрит на него, Юэ Хуань чуть не умер от страха. Он в панике опустился на колени, опустив голову, и забормотал что-то бессвязное, а в его голосе явственно слышалась дрожь.

Фэн Юньинь, глядя на его поведение, тут же помрачнела лицом, поспешно велела ему остановиться и подняла за руку, не в силах сказать ему хоть одно резкое слово.

Столько всего она его учила — и всё впустую? В конце концов, это тот человек, с которым ей суждено состариться в этой жизни. Она не хотела, чтобы между ними стоял вопрос старшинства и подчинения, поэтому и продолжала его учить, желая избежать излишней отчужденности.

И вот... теперь... создавалось ощущение, что все ее труды пошли прахом.

Она клялась себе, что тот недавний поступок был абсолютно единственным в ее жизни, но кто бы мог подумать, что всё закончится таким провалом...

Как же он мог оказаться таким трусливым? Разве она не знала истинную сущность человека, которого сама же и вырастила?

Поддерживаемый пристальным взглядом, упавшим на его макушку, Юэ Хуань чувствовал легкое беспокойство. Он ведь не со зла — просто в тот миг из глубины его души поднялся первобытный страх, заставивший тело помимо воли опуститься перед ней на колени, словно пробудилось врожденное стремление к подчинению.

Знания, которые вдалбливали ему с самого детства, кардинально отличались от устоев этого континента. Хотя полного равенства там тоже не было, усвоенное им оказалось куда лучше здешних порядков.

А поступок князя Сяо... если судить по тем понятиям, что он усвоил, это, пожалуй, называлось термином забавный контраст.

И ему это даже нравилось...

При этой мысли его щеки тронул легкий, неестественный румянец.

Сначала я отведу тебя пообедать, твоему отцу я уже велел передать весточку, а потом мы немного погуляем.

Сейчас не стоило тратить время на подобные мелочи, ведь цель ее визита была совсем иной.

Обняв его за талию и произнеся эти слова мягкими губами, они оба растворились в воздухе, а Юэ Хуань поспешно велел ожидавшему снаружи Сяо Жуну возвращаться в Моланьгэ и ждать его там. Восточная Юэ, Южная Гуй, Западный Лолань, Северная Цзи, Центральный Фэн.

А Башня Раскаяния располагалась на юго-востоке — это было небольшое четырёхэтажное здание, построенное из отборной фиолетовой древесины духов и защищенное защитной формацией, способной выдержать атаку Духовного Императора.

Поначалу никто и не подозревал о существовании этой защитной формации. Несколько лет назад двое старейшин на уровне Духовных Императоров по какой-то причине затеяли здесь жестокую драку, сровняв с землей немало павильонов и башен.

Когда один из тех стариков в порыве промаха нанес удар по Башне Раскаяния, защитная формация активировалась сама собой, и тогда все узнали о её существовании.

Конечно, с тех двоих старейшин в итоге потребовали компенсацию, после чего они убрались восвояси с поникшими лицами. Ту самую сцену очевидцы, пожалуй, помнят до сих пор.

Осмелиться потребовать компенсацию с могущественных Духовных Императоров, да еще и назвать это моральным ущербом — только Башня Раскаяния была способна на такое.

Если бы кто-то другой оказался на их месте, то со страху душа бы в пятки ушла. Какая уж тут компенсация, жить надоело?

Четвертый этаж, Павильон Лунного Дыхания.

— Держи, сначала переоденься в это, а потом я спущу тебя вниз.

Фэн Юньинь достала из пространственного кольца одежду, вложила ему в руки и указала на комнату позади него. В том виде, в каком он был, идти на обед не годилось. Тот промычал в ответ согласие, опустил голову и семенил мелкими шажками вглубь внутренних покоев, даже не смея поднять на нее взгляд.

Глядя на его столь никчемное поведение, кое-кто мог только вздыхать и снова вздыхать.

Ничего, постепенно привыкнет, времени у нее предостаточно.

Спустя четверть часа он переоделся и застыл перед туалетным столиком. Заметив, что румянец на его лице еще до конца не сошел, он прикрыл щеки ладонью и, развернувшись, прислонился спиной к столу.

Юэ Хуань, до чего же ты бесхарактерный! Ну обняла тебя будущая жена, эка невидаль! Рано или поздно это все равно случится, чего тут стыдиться, пора бы уже привыкнуть.

Хватит пока думать об этом, княгиня же ждет снаружи.

Успокоив эмоции, он направился к выходу. — Сяо-ван, я переоделся, теперь спускаться? — Юэ Хуань поднял голову и неуверенно посмотрел на неё.

Будучи будущим главой дома, при разговоре с Сяо-ван следовало смотреть ей прямо в глаза и называть себя просто «я».

Только что он потерял самообладание от излишнего волнения, но теперь, приведя мысли в порядок, он, конечно же, хотел восстановить свой образ и произвести хорошее впечатление на будущую жену.

— Пойдём! — Фэн Юньинь слегка улыбнулась, заметив, как быстро он взял себя в руки, и почувствовала себя чуточку лучше. Она протянула ему руку, позволяя взять себя за ладонь, и повела его вниз.

Сегодня в доме Юэ проводили церемонию совершеннолетия для двух молодых господ, к тому же со всех сторон съезжались представители различных влиятельных сил, так что в столице никогда не было недостатка в оживленных спорах и сплетнях.

Просторный зал первого этажа позволял разглядеть, кто из соседей где сидит. Обычные люди предпочитали здесь не задерживаться, однако нельзя было отрицать, что именно в таких местах проще всего собирать слухи или выуживать нужную информацию.

Планировка второго этажа была похожа, но там имелись легкие перегородки, напоминавшие отдельные кабинеты, хотя звукоизоляция в них была не такой прочной. Они делились на комнаты на два, четыре, шесть и восемь человек — идеальный вариант для представителей знатных семей, которые не хотели привлекать к себе лишнего внимания, но в то же время не желали уединяться в закрытых кабинетах.

— Говорят, в этом году храм Божества Пилюль тоже заполучил синий нефритовый жетон. Раньше они неизменно проявляли полное равнодушие к аукционам павильона Цзюянь, но с чего бы им полгода назад вдруг поднимать такую шумиху и отчаянно пытаться его раздобыть?

— Причину я кое-какую знаю. Говорят, они откуда-то узнали, что на этот раз на торги выставят десятилетиячелетнюю целебную траву, а младший молодой господин главы храма как раз очень её хотел, вот он и отдал приказ во что бы то ни стало её найти.

— Тогда всё понятно. Глава храма — человек преданный и страстный: его любимый муж ушел из жизни больше десяти лет назад, а он так и не женился вторично и не завел других супругов.

Младший сын — единственное дитя, рожденное ценой жизни любимого мужа, вот он и балует его изо всех сил.

— Жаль только, что тот родился на два месяца раньше срока, телосложение у него крайне слабое, и его годами приходится поддерживать лекарствами. Сейчас ему уже исполнилось двадцать, а он до сих пор не женат и даже помолвкой не обременен.

— Просто его отец не хочет отпускать единственного сына в чужой дом, боясь, что там его будут обижать, вот и подыскивает жену, которая придет в их дом примаком. Только вот уже пять лет никак не может найти никого по душе.

— Забудьте вы об этом избалованном юноше. У меня есть и другая новость: вы же все знаете владычицу Циньян? Она ведь тоже появится здесь в этом году.

— С какой стати? Она же всегда сторонилась мирской суеты и почти не показывалась на людях. Какой ветер её выдул?

— Кто-то преподнес ей в подарок красный нефритовый жетон. Получить такую вещь даром — кто же откажется взглянуть на происходящее? Даже если она сама не планирует ехать, всегда найдутся те, кому не терпится поглазеть, верно?

...

Третий этаж, павильон Ую.

У оконного проема, прислонившись к опорному столбу, стояла поседевшая женщина. Прислушиваясь к доносившимся снизу разговорам, она делала маленькие глотки чая. Её взгляд был расфокусирован, а бледное лицо испещрено морщинами — она явно погрузилась в какие-то свои мысли. На мгновение на её губах промелькнула горькая усмешка и тут же исчезла, а вся её фигура излучала глубокую, неизбывную усталость.

Она затворила створки окна и вернулась к столу. В этот момент дверь отворилась, и Фэн Юньинь, держа за руку спутника, прошла внутрь и села напротив неё.

— Ой, соблаговолили явиться! А я уж тут чаем питаюсь, того и гляди с голоду бы померла, — Гуй Цзые бросила мимолетный взгляд на мужчину рядом с ней. В глубине души шевельнулось сложное чувство, но она тут же подавила его, кружа в пальцах чайную чашку и заговорив с шутливым упрёком.

Не будь она столь равнодушна к винным парам, она бы предпочла напиться, особенно сейчас, глядя на того, кто сопровождал подругу.

Что она чувствовала к нему?

Там была и любовь, и ненависть!

Если бы тогда она не ушла... возможно, теперь она могла бы... на вполне законных основаниях стоять рядом с ним...

А не вот так...

Но лекарства от сожалений в мире не сыскать, да и у нее самой нет способности сотворить подобное...

<http://bllate.org/book/22449/2359596>